

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Монсензор де Фиень

1

Детей отправили играть в сад вместе с Кейт Панчердаун. Девушка же, нанятая для присмотра за самым младшим из четверых сорванцов благородного происхождения, была только рада удрать из замка в такой славный июньский день. Но при этом она сочла бы ниже своего достоинства не заметить Агнессе Рокстер, что в ее обязанности не входит постоянное и бесконечное ожидание лорда Джона. Агнесса ответила:

— Я уверена, что отнюдь не маленький милорд служит источником беспокойства и сумятицы в детской! Ты можешь взять его, если хочешь оказать мне услугу.

— Ты можешь взять его, потому что я тебе велю! — заявила Джоанна Уоринг.

— Ах так, тогда я возьму его, чтобы сделать одолжение тебе, Агнесса! — огрызнулась Кейт.

Джоанне это чрезвычайно не понравилось, и она решила не оставаться в долгу.

— На твоём месте, — зловещим тоном добавила она, — я бы не разрешала милорду Хэмфри и шагу ступить без помочей¹. Он ведь у нас косоглазенький, бедняжечка, и мне страшно становится, когда я представляю себе, что он может налететь на стену и расквасить свой маленький носик!

Это была самая настоящая ложь. Да, у милорда Хэмфри действительно левый глаз смотрел немножко в сторону, но назвать

¹ Специальные ремни вокруг тела ребенка, который учится ходить.

это косоглазием ни у кого не повернулся бы язык. Милорд Хэмфри — ему, кстати, не исполнилось еще и двух лет от роду — был ребенком, которого можно было только желать: умненький, воспитанный и, как многозначительно утверждала Кейт, такой здоровый, что никогда не доставлял своей матери ни малейшего повода для беспокойства.

Жаркий румянец, выступивший на щеках Джоанны, должен был подсказать Кейт, что она могла бы и не добавлять напоследок: «Какая жалость, что милорд Гарри такой хилый и болезненный, а ведь он — старшенький!»

К счастью, башня замка, в которой размещались комнаты детей, находилась на некотором удалении от покоев графини Дерби, поскольку подобные раздоры и пустые ссоры пришлось бы ей не по вкусу и вызвали бы ее недовольство. Зато служанка леди Бланш, которая пеленала малыша в свежие холстинки, и Джоанна Доннесмир, попечению который был вверен милорд Томас, получали от перепалки истинное и ни с чем не сравнимое удовольствие, поскольку обе прекрасно знали, что в данном случае принадлежат к касте неприкасаемых. Никто в здравом уме и твердой памяти не смог бы обвинить Изобел Стейнис в пренебрежении светловолосым мальчуганом, лежавшим у нее на коленях. Равно как и никто не стал бы отрицать, что из всего потомства Ланкастеров как раз милорд Томас и был самым крепким и пышущим здоровьем, о чем недвусмысленно свидетельствовал его внешний вид и цвет лица. Начиная с того самого момента, когда он буквально ворвался в этот мир (в отличие от лорда Гарри, которого пришлось хорошенько отшлепать, прежде чем он смог сделать хотя бы вдох!), милорд Томас не болел вообще ничем. Так что его сиделке никогда не доводилось проводить бессонные ночи у его колыбельки из-за того, что любящий дедушка не в меру щедро угостил ее подопечного марципанами. Пока милорда Гарри тошнило и рвало, милорд Томас, будучи на год младше, преспокойно спал рядом с ним, и тот факт, что он переел сладостей, не доставлял ему никакого беспокойства, так же как и падение с его собственного пони. Самое худое, что можно было бы сказать о милорде Томасе, заключалось в том, что он отнюдь не был источником спокойствия в детских комнатах.

И даже самая ревнивая сиделка не стала бы делать вид, будто его горячий и буйный нрав и непереносимое стремление всегда настаивать на своем были способны вызывать какие-либо иные чувства, кроме гордости.

Когда все оскорбительные реплики в адрес одного мальчика семи лет и другого, едва научившегося ходить без ходунков, были в запале высказаны, ссора утихла, и Кейт отправилась с детьми в сад. Она взяла Хэмфри на руки, позволила Джону держаться за свою юбку и стала спускаться с ними по винтовой лестнице.

Внутренний двор замка заливали солнечные лучи, и после прохлады внутренних помещений в нем было нестерпимо жарко и душно. Со всех сторон двор окружали здания, так что ни малейшее дуновение ветерка не коснулось лент на чепце Кейт. Большинство построек были совсем новыми, включая те, которые ограждали двор с южной стороны и в которых размещалось семейство. Действительно, и часовня, отстоявшая от внутреннего двора замка к востоку, и Большой зал, занимавший большую часть построек на его западной стороне, были еще далеки от завершения. Каменщики и штукатуры трудились над ними день и ночь, но девяностофутовый фронтон Большого зала по-прежнему скрывали строительные леса и подмости. Позади них крепостные стены, как и весь замок, отливали розовым в лучах яркого солнца. Старый зал очень походил на цитадель, высившуюся в северо-восточной части двора; его выстроили несколько сотен лет назад, в те времена когда даже королевские покои освещались только светом, падавшим сквозь узкие окна-бойницы. Что же до Нового зала, то его возводили в совершенно новом стиле, с нишами, альковами и закрытыми балконами, а четыре его окна украшали стрельчатые арки и цветная мозаика. Внутреннее его убранство отличалось невиданной роскошью и отделкой. Но с тех самых пор как семейство перебралось из Питерборо в Кенилуорт, придворные дамы графини не уставали сетовать на то, что стук молотков каменщиков преследует их даже во сне. Не отставали от них и сиделки. Все они в один голос предрекали, что, когда леди Бланш будет проводить ночи без сна и отдыха, маленькие лорды непременно свернут себе шеи, лазая по строительным лесам. Однако же леди Бланш не мешал преспокойно спать даже самый назойливый перестук молотков. И хотя милорды вполне оправдали

ожидания тех, кто предрекал, что они непременно полезут на леса, доводя до белого каления мастеровых своими бесконечными и надоедливыми расспросами, еще никого из них не нашли бездыханным на камнях двора внизу.

Благородные отпрыски любили Кенилуорт — любили настолько, что он навсегда остался для них напоминанием о счастливом и беззаботном детстве, окрашенном в розовые тона и пронизанном солнечными лучами.

2

Чтобы попасть в сад, лежавший позади внутренней нижней стены, маленькой процессии пришлось миновать подножие роскошной лестницы, которая поднималась к самым дверям Большого зала, пересечь кухонный дворик и выйти наружу через боковой вход. Это путешествие потребовало некоторого времени, поскольку Кейт позволила себе задержаться подле кухни в обществе стражника в наряде сине-белых фамильных цветов. Но в конце концов они достигли садика, и милорда Хэмфри опустили на землю. Будучи слишком маленьким, чтобы проявлять интерес к забавам своих старших братьев, он заковылял прочь в поисках собственных развлечений и в самом скором времени благополучно добрался до Лебединой башни, караульного сооружения, построенного в форме барбакана¹. Джон не обратил на отсутствие младшего брата ровным счетом никакого внимания: обнаружив в глубине сундука в детской игрушку, он присел на корточки и стал внимательно изучать ее.

Это была поистине замечательная игрушка, точнее, одна из двух, подаренных Томасу кузеном Ричардом, королем Англии: две куклы-марионетки в настоящих рыцарских доспехах, державшие в руках мечи и небольшие круглые щиты. Руки и ноги у них двигались на шарнирах, так что при умелом управлении марионетки вполне могли сражаться друг с другом, как настоящие рыцари. Бель сир, их дед, увидев игрушки, заявил, что одному только Богу известно, сколько золота пришлось заплатить за них кузену Ричарду. Он на-

¹ Навесная башня.

звал поступок короля «расточительной щедростью» — это, вероятно, объяснялось тем, что подарок достался Томасу, а не Гарри или Джону, его тезке, который считался его любимым внуком. После грубого и небрежного обращения Томаса уцелела всего одна, тоже переставшая быть интересной, — она валялась, позабытая, на самом дне сундука, где ее и отыскал Джон.

Четырехлетнему мальчугану было сложно управиться с ниточками куклы-марионетки, но нетерпение не относилось к числу недостатков Джона. Он твердо решил овладеть мастерством управления игрушкой. Кейт, видя, как он с головой ушел в это занятие, вскоре уступила знакам внимания, которые оказывал ей стражник, и покинула территорию сада. Дети находились здесь в полной безопасности: они были еще достаточно малы, чтобы перелезть через стену и ухнуть с нее в болотистое озеро, простиравшееся у подножия холма, на котором возвышался замок. И даже если бы Джону взбрело в голову исследовать лабиринт лесов и подмостков вокруг Большого зала, ему пришлось бы пересечь кухонный дворик, и таким образом он бы неизбежно попался ей на глаза.

Впрочем, столь далеко идущие планы не приходили Джону на ум; он увлекся игрой с марионеткой и, несомненно, продолжал бы и далее сражаться с неуклюжими движениями ее рук и ног, если бы ему не помешали. Томас, отпущенный на волю по окончании занятий и целеустремленно меряющий шажками дерн, вдруг заприметил брата. Остановившись от него в нескольких шагах, он несколько мгновений молча наблюдал за ним, а потом вдруг воскликнул:

— Это мое!

На лице Джона появилось упрямое выражение. Он прижал куклу к груди, но ничего не сказал.

— Отдай ее мне! — потребовал Томас, протянув руку.

— Нет! — отказался Джон.

Это показалось Томасу верхом несправедливости.

— Ах ты, вонючка, ты... проклятый ворюга! — заорал он, демонстрируя недурное владение лексиконом, позаимствованным у почтенных и обожаемых мастеровых, которые работали в Большом зале. — Сейчас же отдай ее мне!

Оскорбление ничуть не тронуло Джона. Когда Томас вновь потянулся за игрушкой, он быстро положил ее на траву позади себя. В отличие от брата, который не остановился бы перед тем, чтобы в пылу борьбы разодрать ее на части, лишь бы заполучить в свое единоличное пользование, он намеревался уберечь куклу в неизбежной драке. В следующее мгновение оба благородных милорда сплелись в некое подобии смертельных объятий. Томас был на год с лишним старше Джона, зато последний отличался несравненно более крепким телосложением, так что вполне мог постоять за себя на протяжении нескольких минут. В конце концов Томас бы непременно одолел его, но Джону уже удалось однажды опрокинуть брата на спину, и, хотя в тот момент он был слишком озадачен неожиданным успехом, чтобы попытаться развить его, мальчик твердо намеревался когда-нибудь повторить этот трюк и довести его до логического завершения.

Впрочем, сегодня ни одному из бойцов не суждено было повергнуть другого на землю. Внезапно их растащили в стороны. Подняв головы, они обнаружили, что между ними встал их старший брат Гарри.

— Опять безобразничаете! — заявил тот, подражая манере Джоанны Уоринг. — Из-за чего на этот раз?

Томас, который вечно завидовал Гарри, выпалил:

— Это тебя не касается! — И вновь попытался сблизиться с Джоном.

Гарри — стройный и худощавый, но на удивление сильный мальчик — оттащил Томаса за шиворот.

— Стой смирно! — приказал он. — Я спросил, из-за чего потасовка?

Конечно, Томас, признавая потуги Гарри на старшинство и авторитет, прекрасно сознавал, что лучше не злить брата понапрасну, и пробурчал:

— Он украл мою куклу!

Гарри обернулся к Джону.

— Я ничего не крал! — выкрикнул Джон, залившись краской до корней волос от столь наглого обвинения.

— Что за кукла? Чья? — продолжал допытываться Гарри.

— Моя! — выкрикнул в ответ Томас.